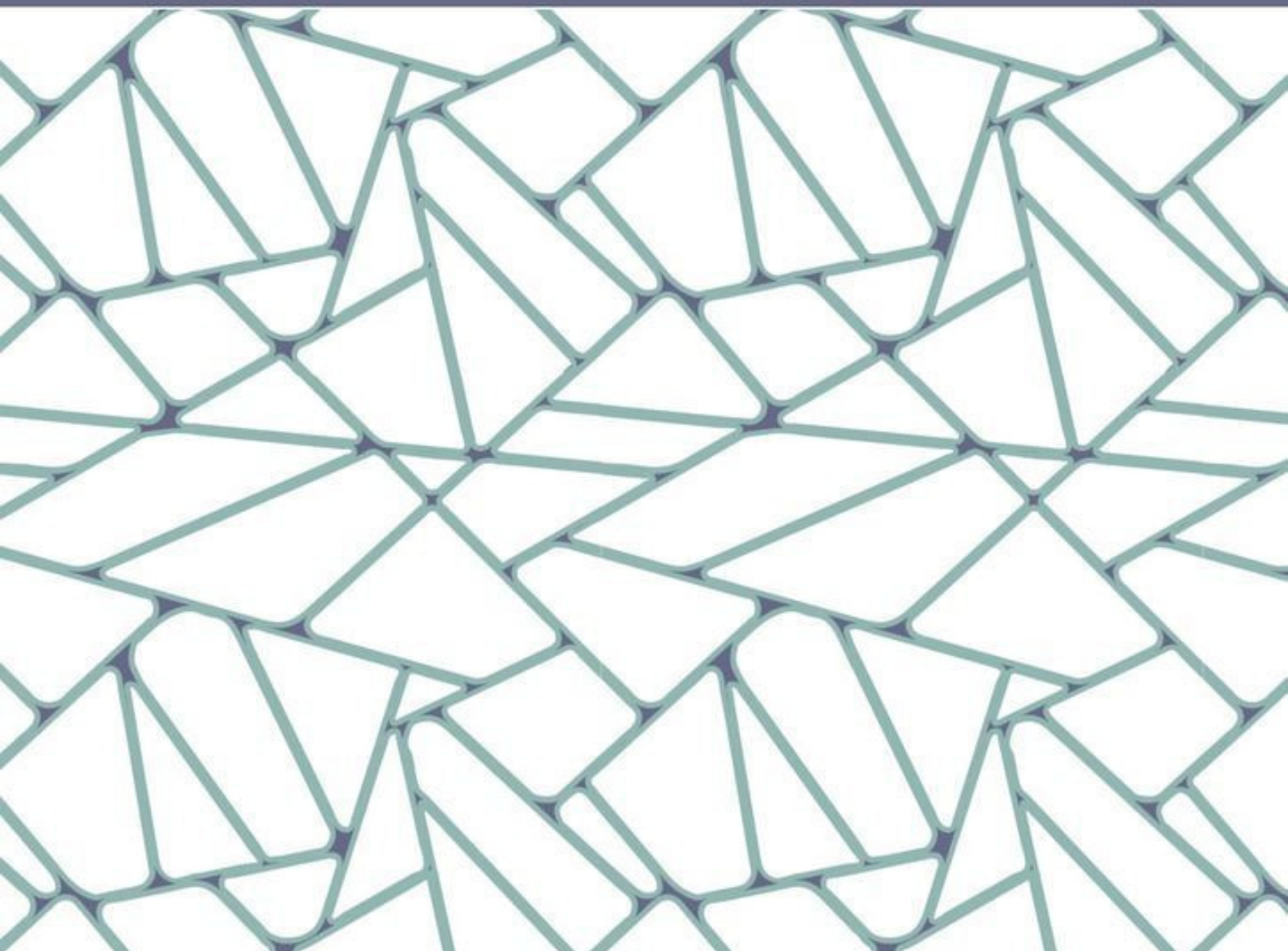

18+ Николай Таратухин

Избранное

Рассказы и стихи

Николай Таратухин
Избранное. Рассказы и стихи

«Издательские решения»

Таратухин Н.

Избранное. Рассказы и стихи / Н. Таратухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-629276-5

В сборник включены рассказы и озорные стихи, написанные автором в период с 2017 по 2024 годы. Автор поместил несколько эротических рассказов. Они из жизни людей, как старшего поколения, так и молодых. «Озорные стихи» юмористического плана. Написаны автором для релаксации и души, и тела читателей, которые вдруг прочтут этот сборник. Часть текста публиковалась ранее в сборнике «Струны моей души».

ISBN 978-5-00-629276-5

© Таратухин Н.
© Издательские решения

Содержание

I. Рассказы	6
Приметам надо верить	6
Струны моей души	15
Музыкальная история	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Избранное Рассказы и стихи

Николай Таратухин

© Николай Таратухин, 2024

ISBN 978-5-0062-9276-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Рассказы

Приметам надо верить

Сотовый телефон Бориса засветился и включилась ария Тореадора из оперы «Кармен». Звонил сын: «Папа, есть новость для тебя: я решил жениться и сегодня хочу пригласить тебя на помолвку. Она будет у родителей невесты в их частном доме за городом. За тобой пришло машину через час. Запиши номер машины, ты ее увидишь во дворе вашего дома... Договорились? И не забудь взять с собой скрипку – поиграешь нам марш Мендельсона!»

Его удивил такой поворот в жизни сына, хотя, сам постоянно призывал его покончить с холостяцкой жизнью и попытаться найти себе пару со второй попытки; и теперь обрадовался, когда тот внял его просьбам. Сын после развода с женой, жил на другом конце города в однокомнатной квартире. Общался с отцом довольно редко, в основном, по телефону.

Сам Борис пару себе не искал – не мог видеть после смерти жены рядом с собой другую женщину, хотя его сосед Виктор, который жил в этом же подъезде дома этажом выше, тоже холостяк и тоже скрипач, не раз пытался познакомить его со своими подружками. На Бориса женщины всегда обращали внимание, но он, будучи рослым, имея привлекательную внешность – был закоренелым однолюбом. Все знакомства быстро заканчивались. Ни одна из этих женщин не могла покорить его сердце и сравниться с его умершей женой. Он считал, что в жизни с ним уже все свершилось и теперь начинать заново создавать семью – просто несерьезно. Но известное утверждение: «природа не терпит пустоты» напомнит ему о себе. Причем, заполнение «пустоты» будет не хронически долгим, а скоростным, лавинообразным.

Недавно, в возрасте 55 лет он вышел на пенсию. Более 30 лет проработал в органах МВД в системе Государственной противопожарной службы. Дослужился до звания майора, занимая пост заместителя начальника районной военизированной пожарной команды, продолжать службу не захотел. Причиной тому была его страсть к музыке. Родился он в семье военного музыканта. Отец играл в оркестре на валторне, мать пианистка – умерла, когда Борису было восемь лет, и отец воспитывал его один. С пяти лет Борис начинал играть на фортепиано, а когда подрос, поступил в детскую музыкальную школу учиться играть на скрипке. Окончил музыкальную школу, затем музыкальное училище, но в консерваторию поступить не смог – отец скоростно умер, и Борис, оставшись сиротой, поступил на работу в пожарную команду. Когда подошел срок, ушел служить в армию. Дальнейшая жизнь сложилась так, что в консерваторию поступать не стал, а получил высшее образование по профилю своей работы. Однако игру на скрипке никогда не прекращал.

Теперь свое одиночество скрашивал постоянной игрой. Ежедневными упражнениями по несколько часов он наверстывал упущенное в музыке и, как ему казалось, стал играть даже лучше, чем в молодости. Скрипка у него была работы какого-то неизвестного мастера, но усовершенствованная самим Львом Владимировичем Добрянским – известным мастером-реставратором из Одессы. Отец купил ее, когда Борис поступил в одесское музыкальное училище.

Получив сообщение от сына, оделся и стал ожидать машину стоя на балконе. Неудачная женитьба сына его огорчала, и он очень обрадовался сообщению. Подъехала черная иномарка и остановилась у подъезда дома. Взял приготовленный футляр со скрипкой, быстро закрыл входную дверь квартиры и спустился во двор. Тут обратил внимание, что свой сотовый телефон и записку с номером машины он оставил в квартире на столе, но решил, что возвращаться не к добру, а человеком он был очень суеверным и верил в разные приметы. Тем более, что очень уж хотел, чтобы у сына на этот раз всё было благополучно.

Подшел к машине и спросил у водителя:

– Меня ожидаете?

– Наверное, вас, – получил не очень определенный ответ.

Неразговорчивый водитель уверенно вывел автомобиль за черту города и тот на приличной скорости начал отсчитывать километры загородного шоссе. Поскольку сын не назвал точного адреса, то Борис не знал, куда его везут. Когда за окнами стали мелькать фешенебельные особняки, то понял, что это поселок, который народ прозвал «Царским селом» потому, что здесь, в основном, проживала областная олигархическая элита. У очередного трехэтажного строения, скрывающегося за высоким кирпичным забором, автомобиль притормозил и начал разворачиваться для въезда в ворота. Во дворе их встретил молодой парень.

– Звоню вам уже несколько часов! – сказал он, обращаясь к Борису, – машину направил к вам, как договаривались...

– Телефон забыл дома, видимо, он разрядился еще раньше...

Но в голове мелькнула мысль, что он кроме, как с сыном, ни с кем, ни о чем не договаривался.

Когда он, а следом за ним водитель и встречавший парень вошли в прихожую дома, их встретил мужчина, довольно крепкого телосложения. Поздоровались и познакомились. Мужчина назвался Андреем.

– Вы, наверное, приехали вместо Виктора? – спросил он у Бориса.

– Виктор – это мой сосед, а я должен быть у сына на помолвке. Кстати, Виктора сегодня утром забрала скорая с подозрением на инсульт...

– Так вот почему он не отвечает на звонки... В лицо Виктора никто кроме меня не знает. Поэтому водитель вас привез, но вы тоже поспособствовали этому недоразумению, – огорченно произнес Андрей.

– А что у вас за проблема? – спросил Борис.

– Понимаете, у нас в семье большое горе. Нам срочно понадобился скрипач. Я договорился с Виктором, но сами видите, что получилось... Проблема у нас с моей младшей сестрой...

– Что-то очень серьезное? – спросил Борис.

– Сейчас расскажу...

Усадив Бориса на широкий кожаный диван, он начал свой рассказ.

– Два года назад моя сестра Алла с мужем, возвращались из очередных гастролей. Муж сестры был известным концертирующим скрипачом, а она его концертмейстером... Попали в автокатастрофу. Муж погиб сразу, а сестра выжила, получив травмы головы и ног. Раны зажили, но все эти два года чувство отчаяния и печали не покидает ее. Она стала сильно уставать, перестала играть на рояле, стала относиться равнодушно к нам и себе. Днями молчит. Врачи поставили диагноз: депрессия. Мы создали все условия для ее выздоровления, но все бесполезно. Ее здоровье катастрофически ухудшается. Вызывали известного врача для консультации. Московский профессор сказал, что вывести ее из этого состояния может только положительный стресс. И желательно, чтобы этот стресс был связан с её прежним увлечением музыкой, с общением с музыкантами, и даже с ее желанием любви. Ей уже пошел сорок третий год. Найти музыканта для общения с нею нам весьма трудно. Обзвонили всех друзей мужа, но никто из них не может из-за гастролей приехать к нам. Но самое страшное случилось несколько дней назад – она решила умереть!.. Не принимает пищу и лекарства уже двое суток. Захотела услышать живой голос скрипки. Поэтому я вынужден был обратиться к своему знакомому музыканту Виктору... Теперь все срывается... Может быть вы сможете нам помочь?..

Борис по своей натуре был большим альтруистом. Страдания людей его никогда не оставляли равнодушным. Совсем недавно он играл в городском госпитале ветеранов всех войн и там его благотворительный концерт прошел с большим успехом. Он очень нуждался в слушателях, и поиграть больной пианистке ему сейчас очень захотелось.

Попросив у Андрея сотовый телефон, он сообщил сыну о том, что сегодня не сможет приехать к нему на помолвку – срочные дела.

– Хорошо, я попробую, – сказал Борис, – но не уверен, что моя игра вызовет у больной нужные эмоции. Я сейчас для разминки поиграю здесь, а вы подготовьте сестру...

Он раскрыл футляр и бережно взял скрипку в руки. Быстро пробежав смычком по струнам, проверил настройку и стал готовиться к игре. Свою скрипку он знал досконально. Во всех регистрах ее звучание было изумительным. Скрипка отвечала даже на легкое прикосновение пальцев. И он заиграл свою любимую пьесу «Помню» Дворжака. Эта пьеса написана в мажорной тональности, но в ней столько светлой грусти и тепла, что перед глазами слушателя невольно проходят самые светлые моменты жизни... Звуки уносились куда-то далеко и мелодия, наполненная торжественной умиротворенностью, заполняла все этажи особняка. Он играл вдохновенно, забыв обо всем: зачем он здесь, для кого играет?.. Скрипка замерла на последней ноте, и он опустил смычок.

– Вы отличный скрипач, – сказала появившаяся в прихожей пожилая женщина лет семидесяти.

– Я мать Аллы и уверена, что ваша игра не оставит равнодушной её...

Она хотела еще что-то сказать, но ее прервала вышедшая из комнаты второго этажа девушка:

– Алла проснулась и просит вас прийти к ней.

Хозяйка быстро ушла к дочери. Борис задумчиво перебирал струны скрипки рукой. Он решил сыграть свой коронный номер: Чакону ре минор Баха, если больная захочет слушать его игру. Это очень сложное для исполнителя сочинение включает в себя все основные штрихи, которыми пользуется скрипач в работе смычком. Её он играл дома каждый день и довел до совершенства свое исполнение. Чтобы сыграть эту пьесу, он в свое время прослушал исполнение Чаконы всеми выдающимися скрипачами. Его кумирами были Леонид Коган и Яша Хейфец. Он часами мог слушать игру каждого, впитывая в себя, как губка самое лучшее в их исполнении...

Из задумчивости его вывела хозяйка:

– Пожалуйста, зайдите в комнату дочери. Я рассказала ей о вас. Она хочет послушать.

Когда он вошел в светлую, богато обставленную, довольно просторную комнату, то не сразу увидел больную. Она лежала в постели около дальней стены и внимательно смотрела на него.

– Почему вы играли за дверью, – слабым голосом спросила она.

– Боялся вас испугать своей игрой, – пошутил он.

Он хотел как-то избавиться от чувства скованности, охватившего его, и создать обстановку непринужденности.

– Меня испугать уже ничто не сможет. Но перед смертью я хочу услышать живой голос скрипки в пьесе, которую играл мой муж. Если сможете, то, пожалуйста, сыграйте мне Чакону ре минор из второй скрипичной партиты Иоганна Себастьяна Баха, – с трудом закончила она свою просьбу.

Подтянув одеяло к самому подбородку, она выжидающе смотрела на Бориса. Услышав такой ответ на свою шутку, он сильно удивился такому мистическому совпадению желаний. Но не подал и виду. В нем пробудилось чувство собственного достоинства. «Хотите Чакону – она есть у меня», – подражая одесскому юмору, подумал он. Не говоря ни слова, подошел к постели Аллы и посмотрел ей в глаза. В них зажегся, как ему показалось, огонек любопытства, но тут же погас. А он увидел удивительно красивую женщину. Роскошные золотисто-русые волосы обрамляли ее худощавое лицо. Прекрасные серые глаза с любопытством посмотрели на него и закрылись, не выдержав его продолжительного взгляда... «Нет, дорогая,

умирать тебе рановато. Тебе еще о любви думать нужно, а не о смерти. Бедная девочка, как все у тебя запущено...», – подумал он.

Обычно Чакону он играл около пятнадцати минут. Первые аккорды в ней извлекаются энергичным движением смычка по всем струнам, так называемым маргле, и это он сделал блестяще. Проиграв тему, он приступил к вариациям. Полились баховские кружева музыки, и он уже ничего вокруг не видел, кроме своих пальцев на грифе скрипки. А скрипка пела то низким голосом четвертой струны, то подхватывала мелодию высоким голосом первой, и казалось, музыка вытекает из нее бесконечной рекой. Дойдя до органного контрапункта, он мельком взглянул на Аллу, и его поразила гримаса боли и страдания на ее бледном лице. Но эта часть Чаконы требовала энергичных движений правой руки от плеча, и он снова погрузился в музыку. Повторение темы он сыграл аккордами с максимальным усилением звука и перешел к мажорной части нежным пиано... Опять посмотрел на нее. Их взгляды встретились, и Борис почувствовал, что его игра не оставляет ее равнодушной. Его давно никто так не слушал. Дома он играл только для себя, а тут больная женщина, наверное, очень хороший музыкант, внимала его игре с таким волнением и страстью, что казалось, еще миг и она заплачет. Ее волнение начало передаваться и ему. С огромным трудом ему удалось справиться с волнением, и минорную часть Чаконы он сыграл так, как никогда раньше не играл.

Окончив игру, он увидел, что Алла плачет. «Браво, маэстро,» – услышал он ее тихие слова. Она была очень взволнованна, но ничего говорить больше не стала и отвернулась к стене. Ее худенькие плечи вздрагивали при каждом всхлипывании, и Бориса пронзила острая жалость к ней. Он стоял у ее постели и не знал что предпринять. Мать взяла его под руку и увела из комнаты.

– Борис, просто не знаю, как вас благодарить, – сказала она, – ваше превосходное исполнение очень взволновало Аллу. У меня к вам огромная просьба: не прекращать общение с нами. Мы заплатим любую сумму за вашу услугу...

– Вот этого мне совершенно не нужно! Если Алла пожелает меня слушать, то буду играть ей без всяких денег. Я обеспечен и не бедствую. А играть мне такому слушателю, как она очень приятно.

Тот же водитель привез его домой. Переоделся, лег на диван и задумался. Вспомнил лицо Аллы. «Два года в депрессии, – думал он, – сведут с ума любого, и она решила покончить с жизнью, видимо, чтобы не быть обузой для родных... Рояль, стоящий у окна, несомненно, ее... Давно я не играл с концертмейстером...».

Утром следующего дня Борис вновь и вновь вспоминал события вчерашнего вечера. Полной уверенности в том, что Алла откажется от своего намерения умереть – у него не было. «Я не врач и не волшебник. Сыграл, как мог, – думал он, – слезы на ее глазах еще ни о чем не говорят. Захочет жить – позовет». Он понимал, что в следующий визит к Алле ему надо играть что-то такое, что они, наверное, играли с мужем. «Нужно вызвать у нее положительные эмоции», – подумалось ему. Он вспомнил, что когда-то играл «Цыганские напевы» Пабло Сарате. Понимая, что эта пьеса исполняется в сопровождении или симфонического оркестра, или фортепиано и уж точно они с мужем играли ее – он сделал свой выбор.

Вечером позвонил Андрей:

– Борис, у нас большая радость. – Алла разговаривает, ходит по комнате, сегодня попросила есть, но еще очень слаба. Ваша игра произвела на нее большое впечатление. Она просит вас приехать и поиграть еще. Когда вы сможете приехать к нам?

– Я тоже очень рад таким изменениям в ее самочувствии, Передайте ей большой привет от меня. Обязательно приеду на следующей неделе. У меня дома кое-какие дела...

Дел никаких не было. Просто он решил не бежать сломя голову по первому ее желанию «Пусть немного подождет, одумается, окрепнет, а я за это время лучше подготовлюсь», – думал

он, хотя желание увидеть Аллу у него было огромным. Проведал Виктора в больнице. Его из палаты интенсивной терапии перевели в общую. Рассказал ему о произошедшем событии.

– Витя, кто они, эти твои знакомые?..

– Я сам их плохо знаю... В прошлом году мы играли на корпоративном банкете в одной фирме, где я и познакомился с её хозяином. А недавно он меня нашёл и попросил поиграть больной сестре. Кстати, что ты там играл?..

– Заявочка была непростая... Чакону Баха...

– Ну, ты её играешь на уровне мировых стандартов... И какая реакция была у больной?..

– Знаешь, я вначале подумал, что это детские капризы. Все вокруг неё вертятся, а она умирающий лебедь... Но увидев её, понял, что это у неё серьёзно. А жаль... Чертовски красивая женщина... Брат звонил и говорил, что умирать она уже не хочет... Просит поиграть ещё...

– Боря, чувствую, что твоя холостяцкая жизнь скоро закончится, – заключил Виктор.

Неделя пролетела незаметно, и Борис позвонил Андрею с просьбой прислать за ним машину. Алла встретила его очень приветливо. Подошла и протянула тонкую, изящную руку. Он, осторожно прикоснулся к ней губами.

– Почему не приезжали долго? – тихо спросила она. Я вас ждала... Очень хочу перед вами извиниться. Мне стыдно за мое поведение. Я даже не поблагодарила вас. Простите меня!..

– Ну, что вы? Я даже не подумал обижаться. А не приезжал потому, что было неудобно лишний раз беспокоить вас. Ведь вы еще не совсем здоровы.

– Сейчас чувствую себя гораздо лучше. Вспоминаю вашу игру – скрипка звучала превосходно. Я слышала совершенно другую Чакону в отличие от той, которую играл мой муж. Он ее играл, как учили в консерватории: очень созерцательно и прохладно. Но, как играли вы – меня просто потрясло. Вы меня вернули к музыке, и я поняла всю глупость своего решения – умереть. Сегодня хочу вновь услышать вас... Вы играли когда-нибудь «Цыганские напевы» Пабло Сарасате? Мы с мужем всегда включали в свои концерты эту пьесу. Хочу поиграть с вами...

«Опять такое мистическое совпадение желаний», – подумал Борис, взяв скрипку.

– Алла, в училище я играл «Цыганские напевы» в сопровождении оркестра народных инструментов, но если сейчас ваше здоровье позволит аккомпанировать, то попробую сыграть ее с вами вместе, но хочу предупредить, что консерваторию не кончал и за качество игры не ручаюсь...

Вызывало сомнение ее самочувствие, но она села к роялю. Подстроив скрипку, он замер в ожидании вступления Аллы. Она начала довольно уверенно, но вдруг рояль неожиданно смолк... Борис оглянулся – она сидела, закрыв лицо ладонями...

– Простите, Борис, не могу продолжать. Нет ни духовных, ни физических сил... Обещайте мне, когда поправлюсь – мы сыграем Сарасате вместе. А сейчас поиграйте один...

Когда она садилась на диван, Борис мельком взглянул на ее длинные, стройные ноги, которые она еще не успела прикрыть платьем и мгновенно перевел взгляд выше – на грудь и лицо. «Да, за жизнь такой женщины стоит побороться», – пронеслось у него в мыслях. Он тут же отвел глаза, чтобы сосредоточиться на музыке, но уверенности в том, что Алла не перехватила этот взгляд, у него не было... Она, действительно, все заметила. Всю эту неделю она думала о нем и с удивлением чувствовала, что печаль о погибшем муже уходит куда-то глубже в лабиринты ее памяти и эту печаль вытесняет какое-то радостное желание встречи с этим обаятельным музыкантом, который явился к ней, как ангел-спаситель. Ей захотелось ему понравиться, и его взгляд подсказывал, что это не безнадежно. А Борис тем временем уже играл. Его игра ее вновь взволновала. В его руках скрипка звучала так тепло и нежно, что в ее душе уже не оставалось места для печали.

– Вы такой талантливый, а почему не продолжили учебу в консерватории? – спросила она у него, когда он окончил игру и сел рядом с нею.

– Понимаете, Алла, борьба за существование заставила выбрать другой путь. Познакомился с женой в институте, родился сын. Прожили вместе более тридцати лет. К сожалению, жена умерла и теперь музыка заменяет мне всё. Консерватория, конечно, не помешала бы, но мне достаточно и того, что могу. Ведь я не профессионал...

Алла внимательно его слушала и вспоминала свою встречу с мужем и рождение сына. Счастливая жизнь оборвалась внезапно и нелепо – у автомобиля отказали тормоза... Сын уже взрослый, а она еще совсем не старая и сейчас ей окончательно показалось глупым ее намерение умереть. Она смотрела на Бориса, и ее женская натура вдруг всколыхнулась желанием давно забытой мужской ласки. Ей так не хотелось, чтобы он уходил, но пришла пора прощаться, и они расстались до новой встречи.

Этой встречи они хотели оба. Борис несколько раз порывался позвонить, но почему-то не решался. Алла решила позвонить первой.

– Здравствуйте, Борис. Опять вы куда-то пропали... Располагаете временем, чтобы приехать ко мне сегодня вечером? Если да, то мой сын Денис за вами приедет...

Он сразу узнал голос Аллы и, конечно, дал согласие. Спешно начал готовиться к встрече. Чисто выбрился. Глянул в зеркало. На него смотрел брюнет – мужчина с тронутыми сединами волосами и печальными глазами. Хотел надеть костюм, но вспомнив, что в нем он был в прошлый раз и чувствовал себя как-то скованно – решил надеть свой любимый просторный свитер... Послышался гудок домофона. Это Денис приглашал его на выход.

На этот раз встреча была еще более теплой, чем в прошлый раз. Скрипка нашла свое место в кресле-качалке, а они уселись на диван и, повернувшись, друг к другу вполоборота, стали вести светскую беседу. Конечно, разговор вращался вокруг их прошлой жизни, вокруг музыки, но играть они явно не спешили. Он с интересом рассматривал мелкие веснушки на ее таком прекрасном русском лице и отметил для себя, что она посвежела и за эти две с лишним недели, очень изменилась в лучшую сторону. А легкие следы косметики на ее ресницах подсказывали, что она хочет ему понравиться. Она не скрывала своей заинтересованности им, особенно, когда он рассказывал ей случаи, происходившие с ним в его героической профессии. Каждый раз, когда Борис встречал взгляд ее прекрасных глаз, он чувствовал, что тонет в их глубине и всплывать оттуда ему не хочется... Продолжая беседу, они даже не заметили, как перешли на «ты» и это еще больше их сблизило.

– Алла, какие у тебя планы на будущее, – спросил он в надежде получить обнадеживающий на дальнейшую связь ответ.

– Врачи советуют пройти обследования в реабилитационном центре для правильного лечения...

И вдруг, взяв его руки в свои, наивно и доверчиво спросила:

– Будешь меня навещать там?

– А ты этого очень хочешь? – ответил он вопросом на вопрос.

Она догадалась, что попала в ловушку, но отступать уже было некуда.

– Да, очень хочу! Давай поиграем что-нибудь из сочинений Петра Ильича Чайковского, – ловко перевела она разговор на другую тему, – очень люблю «Сентиментальный вальс», хотелось бы поиграть с тобой. Я приготовила ноты...

Она села к роялю и взяла несколько аккордов, и когда Борис подстроил скрипку и приготовился к игре, не обращая внимания на приготовленные Аллой ноты, она обернулась к нему и спросила:

– Удивительно, но все мои желания выполняются тобой тотчас же. У тебя такой богатый репертуар или ты волшебник?

– Старик Хоттабыч, – пошутил он, намекая на свой возраст. Однако серьезно добавил:

– Мне приятно, что так получается...

Вальс этот небольшой, но требует от скрипача хорошего владения, так называемой, агогикой – небольшой сменой темпов, зависящей от внутренних эмоций исполнителя... Так, меняя темпы, то замирая в пиано, то выжимая из скрипки максимальное форте – он подошел к заключительному пассажиру, в котором двадцать одна нота. Сыграл их на одном движении смычка и продолжил заключительные такты нежнейшим пианиссимо. Алла настолько тонко чувствовала все нюансы его исполнения и так изящно поддерживала экспрессию вальса своим аккомпанементом, что Борису казалось – играют не они, а симфонический оркестр... Закончив игру, Алла, повернувшись к нему, взволнованно сказала:

– Борис, ты покори меня своей музыкальностью, таким теплым, лирическим исполнением. Играть с тобой – одно удовольствие...

Её последняя фраза тронула его душу. Ему захотелось сказать ей еще больше. Сказать, что она вывела его из «летаргического сна» и он захотел любви...

Но Алла продолжила:

– Хочешь послушать меня? – Фредерик Шопен – мой любимый композитор...

Полилась чудесная музыка. Борис тоже очень любил Шопена. Алла играла что-то незнакомое, но так гармонично вплетающееся в только что сыгранную ими музыку Чайковского. Он смотрел на ее руки, на ее длинные пальцы, уверенно опускающиеся на клавиши рояля, и ему казалось, что он попал в новый для себя мир – таинственный и приятный. Музыка стихла.

Конечно же, ему очень понравилась игра Аллы. Он уже забыл, когда последний раз общался с музыкантами. Было это года два назад, когда Виктор буквально затащил его в филармонию и представил дирижеру оркестра. Тот, прослушав Бориса, посоветовал ему уйти с работы и заняться музыкой. Что и определило дальнейшую его жизнь. Сейчас он рад был, что сделал свой выбор в пользу музыки и рад, что она свела его с Аллой. Интуиция подсказывала ему, что эта женщина займёт в его жизни очень много. Конечно, все это стремительно пронеслось в его сознании, и он выразил свой восторг её игрой.

– Борис, сегодня в доме мы с Денисом остались одни. Я приготовила ужин. Давай поужинаем вместе, – предложила она.

За ужином они много говорили о музыке. От выпитого бокала вина Борис почувствовал себя более раскованным. Надо сказать, что он очень редко пил спиртное и пьянел даже от небольшого количества выпитого. И всегда при этом в его ушах начинала звучать какая-нибудь скрипичная пьеса. Сейчас это был Сен-Санс. Алла, слегка пригубив из своего бокала, была очаровательно весела, и трудно было поверить, что всего каких-то двадцать дней назад она собиралась умирать. Борис смотрел на нее, и ее голос сливался с голосом скрипки в прекрасной музыке Сен-Санса, от чего Алла казалась ему феёй из далеких детских сказок...

Наступило время прощаться. Денис ушел к машине, а они вышли на крыльцо. Алла первой прервала молчание.

– Ты уже уходишь... Спасибо за чудный вечер... Мне с тобой расставаться так не хочется, – с грустью сказала она.

– Мне с тобой тоже, – ответил он и приблизился к ней вплотную.

Взгляды их встретились, и Борису захотелось обнять ее. Почувствовав, что это желание обоюдное, он осторожно положил руки на ее плечи и вопросительно посмотрел в ее глаза. Они разрешали ему все. А дальше все произошло так стремительно и естественно: их поцелуй был по-детски чистым и коротким. Услышав шаги Дениса, Борис быстро убрал руки и ответил, наконец, на тот вопрос Аллы.

– Я очень хочу видеть тебя чаще и буду приходить к тебе в больницу...

Подошедший Денис сообщил, что машина готова к отъезду.

Дома он еще долго вспоминал свое общение с Аллой и их прощальный поцелуй. Этот поцелуй был побуждающим его к дальнейшим действиям. Ее глаза разрешали ему гораздо больше, чем прикосновение к губам, а ее руки, нежно обнявшие его шею, выдавали

в ней страстную и темпераментную женщину. Конечно, если бы Алла была чуть постарше, а не на тринадцать лет моложе, то оптимизма у него было бы больше. Разница в возрасте с нею не добавляла ему уверенности. К тому же, его не покидало предчувствие чего-то неожиданного, что помешает их сближению. Так и заснул с этим предчувствием.

В середине следующего дня Андрей с матерью пришли к нему в гости. Усадив гостей в зале, Борис хотел предложить угощение, но мать сказала, что у них мало времени – они спешат к Алле в реабилитационный центр, куда ее сегодня положили, и теперь им надо привезти кое-какие её личные вещи.

– Мы заехали на несколько минут, чтобы выразить свою признательность и благодарность за то, что вы откликнулись на нашу просьбу. Огромное спасибо! Мы решили отблагодарить вас и купить за серьезную цену хорошую скрипку работы какого-нибудь известного мастера и подарить вам, – продолжила мать.

Борис резко запротестовал:

– Мое мнение насчет покупки скрипки, весьма отрицательное. Скрипка у меня уже есть. На ней играю с удовольствием, и другая мне не нужна...

– Борис, мы хотим быть откровенными и ничего не скрывать от вас, – вступил в разговор Андрей, – сегодня из Москвы к нам приехал ее однокурсник по консерватории. Он был на гастролях и только сейчас сумел откликнуться на нашу просьбу. Сейчас с женой он в разводе. Любил Аллу еще со школьной скамьи, и мы думали в то время, что его семья и наша породнятся. Но она тогда влюбилась в другого и вышла замуж. Наш гость сегодня посетил ее в этой лечебнице. Может быть, сейчас у них наладятся отношения... Но наше решение о покупке вам скрипки остается в силе...

Проводив гостей, он взял скрипку, чтобы излить в музыку свою печаль, но играть не смог. «Вот и все. Теперь мне не надо у нее вызывать „желание любить“, – лезли в голову невеселые мысли, – это желание будут вызывать другие, гораздо моложе меня. У ее родных даже мысли нет рассматривать меня, как жениха». Алла стала ему казаться светом далекой планеты из чужой галактики...

На телефонные звонки она не отвечала. «Конечно, причины могут быть разные, но самая главная – визит гостя», – думал он. Ближе к вечеру Борис все же решился проведать Аллу. Собрался. Купил цветы и поехал. Вечерело. Погода была прекрасная. Лечебница находилась вдали от городского шума в тени вековых платанов. Попав на ее территорию, он направился в приемный покой с целью узнать, где находится Алла. Но этого не потребовалось. Прямо перед собой он увидел ее и рядом с ней симпатичного мужчину. Они шли по центральной аллее ему навстречу и о чем-то увлеченно беседовали. Алла Бориса заметила, а он, круто развернувшись, оставив цветы на ближайшей скамейке, направился, не оглядываясь к выходу. Убедившись окончательно в том, что сказанное Андреем – правда, решил порвать все связи с Аллой и ее семьей, включив в «черный список» номера телефонов Аллы и Андрея.

Прошла неделя, а может быть чуть больше. Жизнь у Бориса начала входить в привычную колею, в тот распорядок, который установился за эти три года холостяцкой жизни. «Вот и верь теперь в приметы... Вернулся бы за телефоном и записанным номером машины – душа была бы теперь спокойна», – с грустью думал он. Однако вспоминая последний вечер расставания с Аллой, когда они почти признались в своей любви друг к другу, он грустил еще сильнее. Ему не верилось, что все так быстро закончилось. В один из дней, где-то к вечеру, он услышал сигнал домофона:

– Это Денис. Мы с мамой стоим у подъезда. Можно к вам сейчас войти?

«Интересно, зачем она хочет со мной встретиться?» – подумал он, нажимая кнопку домофона. Хотел оставаться спокойным, но эта «удушливая волна», о которой когда-то писала Марина Цветаева, подкатила к солнечному сплетению.

С самого утра его назойливо преследовали звуки музыки Болеро Мориса Равеля. Так с ним бывало иногда после прослушивания классической музыки, которую он любил и отдавал много времени этому занятию. Накануне он как раз слушал это сочинение французского композитора и бесконечно повторяющийся тягучий ритм танца, в котором доминировал малый барабан, не мешал ему заниматься домашними делами. Но сейчас малый барабан, усиленный духовыми и струнными, буквально парализовал его сознание. Начал прибираться в квартире, но все стало валиться из рук, и когда раздался звонок входной двери, оркестр в Болеро играл уже всем составом...

Под это тутти он открыл дверь и увидел ее. Она вошла так, как будто входит сюда не первый раз – смело и решительно.

– Здравствуй! Это я...

– Добрый вечер. А где Денис?..

– Он ушел... Будем стоять или ты пригласишь меня сесть?..

Когда они уселись на диван, Борис спросил:

– Ты надолго?

– Хотелось бы навсегда!..

Малый барабан в музыке Равеля зазвучал упруго и настойчиво, и поддерживаемый оркестровым крещендо, перешел на фортиссимо...

– А где же твой однокурсник?..

– Это мой друг и не более того. Он уехал на второй день, узнав, что у меня все хорошо. Но мне было очень плохо, когда ты не отвечал на мои звонки. Я хотела тебе все объяснить... Знаю, мама и Андрей тебя очень огорчили. Не сердись на моих родных. Они желают мне счастья... – Хотели выдать меня замуж второй раз за одного и того же человека. Да... Он предлагал мне руку и сердце, как в молодости... – И во второй раз я ему отказала из-за любви к другому... На этот раз к тебе... Надеюсь, ты не будешь возражать, если я сейчас останусь у тебя?..

Утром им подниматься из постели не хотелось. Обнявшись, они молча лежали. Наверное, каждый думал о случившемся, и это случившееся было приятным. Первой заговорила Алла:

– Боря, поиграй мне что-нибудь...

Ни слова не говоря, он поднялся, накинул на себя халат, взял скрипку, и звуки свадебного марша Мендельсона заполнили комнату. Когда музыка смолкла, Борис произнес, может быть, самую избитую, самую неоригинальную, но такую наивную и понятную фразу:

– Алла, давай поженимся!

Конечно же, она ответила согласием. Её ответ привел к тому, что в семье музыкантов родилась чудесная, совершенно здоровая девочка.

Такой вот счастливый конец у этой истории.

Струны моей души

1

Когда мне исполнилось семь лет, родители решили обучать меня музыке. Сами они никакого отношения к музыке не имели, но очень любили её слушать. Правда, мой дед, а мамин отец был известным пианистом. Он погиб на войне. У папы в роду тоже были профессиональные музыканты, но я о них ничего не знал. Мои родители были заядлыми меломанами, часто ходили на концерты заезжих звёзд классической музыки, слушали симфонии по телевизору. Им почему-то из всех инструментов нравилась флейта, и они решили отдать меня на обучение в детскую музыкальную школу—десятилетку. На самом деле это была школа с одиннадцатилетним обучением, где помимо общеобразовательных предметов учили музыке.

Меня привели в школу на прослушивание, но оказалось, что класс флейты уже заполнен. Директор школы, проверив мой слух и чувство ритма, сказал родителям: «У вашего мальчика прекрасные антропометрические данные и отменный музыкальный слух, поэтому предлагаю вам отдать его в класс арфы – у нас там недобор».

Арфу я никогда вблизи не видел, а когда увидел, то слегка испугался. Она была выше моего роста с огромным количеством струн, некоторые из них были окрашенные в разные цвета. Но когда послушал, как играют на ней ученики старших классов, загорелся желанием научиться играть. Пожилая сухощавая учительница с первых же уроков принялась обучать меня правильной посадке за инструментом. Учительница любила повторять, что очень важно усваивать и прорабатывать правильные приемы игры, так как они со временем становятся рефлексивными. Что такое «рефлексивными» – я узнал значительно позже, но тогда понял, что неправильно заученное очень мешает дальнейшему обучению.

Знакомство с первоначальными игровыми навыками мне давалось легко. Я хорошо усваивал механику движений, но что касалось музыкальных пьес, то здесь особо не блистал. Учительница частенько поговаривала, поправляя мою игру и глядя на мои руки: «Бог дал тебе два дара: абсолютный музыкальный слух и чудесные пальцы, но в придачу еще и отменную лень». Пальцы у меня, действительно, были длинными и гибкими с очень развитыми подушечками. Играл мало потому, что не имел собственного инструмента, а ходить в школу на дополнительные уроки было далековато.

Несмотря на лень я окончил два класса с неплохими оценками по всем предметам, и родители решили купить мне арфу. Купили подержанную, но в хорошем состоянии. Отец шутил: «Твоя арфа и моя машина стоят одинаково». Понятное дело, я не мог теперь отлынивать и в третьем классе старался изо всех сил. Из девяти учеников в классе я был единственным мальчиком. Конечно же, не мог допустить, чтобы кто-то из девочек играл лучше меня. Третий класс закончил в числе лучших учеников.

Арфу полюбил окончательно. Помимо учебной программы учительница приобщала нас к мировой литературе, и я познакомился с творчеством выдающихся арфистов. Особенно мне нравились сочинения Альфонса Хассельманса. С его этюдом «Ручей» выступал на музыкальном фестивале в своём городе. В пятом и шестом классах играл уже довольно зрело и становился лауреатом второй и третьей степени на престижных конкурсах.

В седьмом классе стал обращать внимание на свою одноклассницу – Женечку Ковалёву. Она единственная в классе, кто мог составить мне конкуренцию в учёбе. Свою симпатию к ней я скрывал под необоснованной критикой её игры, отпуская порой издевательские реплики в её адрес. Она отвечала мне в том же духе. Война «алой и белой роз» продолжалась до восьмого класса.

Но в восьмом классе наши отношения вдруг стали не такими ершистыми. Мы повзрослели. Я заметил изменения в её внешности. Она из угловатого подростка превратилось в мило-

видную девушку с довольно привлекательной фигуркой. Когда она играла, мне казалось, что её руки опускались на струны арфы, как два белых лебедя. В своём воображении я представлял, как эти руки обнимают меня, разжигая в моей груди пожар юношеской любви.

Женя играла превосходно, она обладала исключительно чёткой техникой в исполнении быстрых пассажей и красивой певучестью в медленных пьесах. Я говорил ей комплименты, а она в свою очередь, их мне. Наши музыкальные вкусы всегда совпадали. Нам нравились одни и те же пьесы, как старинных, так и современных композиторов. Однажды она вызвала меня на соревнование – сыграть довольно сложную сонату французского арфиста Шарля Бокса. Она смогла её сыграть без ошибок. Я делал вид, что играю с большим трудом, умышленно допустил ошибку. Мне так хотелось быть великодушным и не показывать своего превосходства над нею в технике игры.

В десятом классе мы впервые поцеловались и признались друг другу в любви. Шекспировские страсти нас не коснулись. У наших родителей были вполне русские фамилии – не Монтекки и Капулетти, а Корниловы и Ковалёвы. Ни враждовать семьями, ни дружить, как-то не пришлось. Её родители были постоянно в разъездах – они концертничали по странам и континентам, как выдающиеся музыканты. Женю воспитывала, в основном, бабушка – женщина весьма строгих правил, которые прививала своей внучке, а та неукоснительно следовала её наставлениям. Как оказалось – до поры, до времени.

Шёл последний год нашего обучения в школе. Нам совсем недавно исполнилось по восемнадцать лет. Под предлогом совместного выполнения домашних заданий стал довольно часто приходиться к Жене домой. В присутствии бабушки мы старательно зубрили алгебру, физику и химию, не забывая при этом и музыку. Бабушка старалась не оставлять нас наедине и всегда, уезжая на дачу по выходным дням, брала с собой Женю. Ко мне бабушка относилась недоверчиво и не очень дружелюбно. Она чувствовала, что опасность для её внучки исходит от меня. Но мы с Женей страстно хотели уединения и придумали способ освобождения от бабушкиной опеки:

– Бабушка, сегодня у нас репетиция с оркестром, – «честно» глядя в глаза бабушки, соврала Женя в одно воскресное утро, – я не смогу с тобой уехать на дачу...

Была весна. На даче работ было невпроворот, и бабушка, ничего не подозревая, уехала одна.

– Дима, только не это, – шептала Женя зацелованными мною губами, когда я начал освобождать её от последней принадлежности женского туалета. – Только не это – я боюсь забеременеть...

Но я уже ничего не слушал. Она, слабо сопротивляясь, наконец, сдалась...

– Тебе было больно? – шептал я, покрывая поцелуями её лицо, когда всё закончилось.

– Не очень... Кажется, мы с тобой на диване наследили...

И тут я увидел кровь на её и своих бёдрах. Кровь образовала обширное пятно на покрывале и просочилась на ткань поверхности дивана.

Покрывало мы застирали холодной водой. Никакого следа на нём не осталось, но все наши старания отмыть поверхность дивана не дали результата – на ней расплывалось розовое пятно.

– Что теперь делать? На этом диване бабушка спит и всё сразу увидит, – в отчаянии сказала Женя.

– Я останусь у тебя и будем ожидать бабушку. Отвечать будем оба.

– Нет. Пойдёшь домой. Я буду отвечать одна. Мне девятнадцатый год. Когда-то это должно было произойти... Вот рожу тебе двойню и будет у нас семейный квартет арф, – грустно пошутила она...

Шутки шутками, только утром следующего дня в гости к нам пожаловала бабушка. Мои родители с нею были в хороших отношениях и особенно не удивились её визиту. О чём они

разговаривали с нею на кухне – можно только догадываться, но после её ухода отец вызвал меня на откровенный разговор.

– Ну, что?.. Тебя можно поздравить?.. Только, как же ваша дальнейшая учёба, если Женя забеременеет?.. Первый аборт врачи делать не рекомендуют.

– Женюсь, – промямлил я виновато.

– Правильно!.. Пойдёшь работать. Только кем?..

Отец меня любил, я его тоже. Он никогда меня не ругал. Всегда находил для меня утешительные слова в самых сложных ситуациях.

– Ладно... Не будем торопить события, готовься ко всему. Жить будете у нас, но кормить семью будешь за свои деньги.

До начала выпускных экзаменов оставался месяц. Две недели мы с ней ожидали возмездия за наше грехопадение, но зачатия не случилось. Я её ласкал и уверял, что никогда не оставлю её – готов жениться хоть сейчас. Мысленно готовил себя к нашей свадьбе и представлял себе отцом ребёнка. Вся надежда у меня была на помощь моих родителей. Я мечтал, что приведу её в нашу квартиру, сам пойду работать куда-нибудь грузчиком или подсобником на стройку.

С бабушкой Жени мои отношения совсем разладились. «Чтобы твоей ноги не было в нашей квартире» – заявила она мне. Мы стали с Женей встречаться у меня, когда родители были на работе. Запретный плод оказался очень сладким, но теперь мы тщательно предохранялись. Вместо серьёзной подготовки к экзаменам, мы серьёзно увлеклись сексом. Но судьба к нам благоволила. По общеобразовательным предметам мы экзамены сдали не хуже других учеников, но и не лучше, а по музыкальному профилю мы были лучшими. На выпускном экзамене в довершение к своим сольным программам сыграли дуэтом известное произведение Франца Шуберта «Аве Мария».

Продолжить свое музыкальное образование решили в Государственной классической Академии имени Маймонида. Женя с бабушкой выехали в Москву раньше нас. У моих родителей трудовые отпуска не совпадали по времени, поэтому мы выехали на автомобиле отца через неделю. На трассе было оживленное движение. Я спал. Страшный удар... Дальше ничего не помню...

2

В моих ушах стоял постоянный многоголосый звон. Высокие голоса сплетались с низкими и образовывали единое мощное звучание. Этот звон не прерывался ни на мгновение. Как будто внутри меня находилась трансформаторная будка высокого напряжения и множество проводов выходило из неё куда-то вдаль. Порой пытался пошевелить рукой или ногой, открыть глаза, но все мои усилия оканчивались ничем. Я прекращал попытки, и тогда меня посещали иногда прекрасные, а иногда страшные видения.

Я с детства боялся высоты и теперь который раз ко мне приходило одно и то же видение, где я карабкаюсь по отвесной скале на вершину. Вот и сейчас упрямо ползу вверх, сбивая в кровь пальцы рук и ног. Боюсь посмотреть вниз, а только вверх, прижимаясь к холодным камням. Там на вершине должен быть перевал, но пока мне виделось только небо. Не голубое, а почему-то зелёное. Цветные сны мне снились всегда, но сейчас они были особенно яркими.

В очередной раз взглянул вверх и прямо перед собой увидел клубок разноцветных змей. Я всегда испытывал ужас при виде змей, но сейчас они смотрели на меня в упор своими немигающими глазами. Сорвался и полетел вниз... «Мама!..», – закричал я.

Очнулся и увидел за стеклом окна снег на подоконнике. Страшно удивился и снова закричал: «Мама!..». Это мне показалось, что закричал, а на самом деле только тихо прошептал... «Почему лежу?» – подумал я. Услышал разговор мужчины и женщины:

– Вышел из комы? – спросил мужчина.

– Да, несколько минут назад...

– Дмитрий, ты меня слышишь? – обратился мужчина ко мне.

– Слышу, – ответил я после некоторого усилия. – Где я?..

«– Ты в больнице», – сказал мужчина.

– Где мама и папа?..

«– Об этом после», – сказал мужчина, – а сейчас закрой глаза и спи.

Выход из комы у меня продолжался долго, но с каждым днём мне становилось легче. Я мог уже передвигаться и самостоятельно питаться. О гибели родителей мне рассказал лечащий врач. Родственников у нас не было, и я теперь оказался круглым сиротой.

К Новому году меня выписали из больницы. При выписке мне отдали документы и ключи от нашей квартиры – всё, что нашлось в машине после аварии. За несколько дней до этого ко мне приходил депутат городской Думы. У него мой папа работал помощником. Депутат мне рассказал, что моих родителей похоронили на городском кладбище. Рассказал, как найти их могилу. Ещё он сказал, что мне выдадут денежное пособие.

На кладбище, укутанном декабрьским снегом, с трудом отыскал могилу родителей. Слезы лились из моих глаз. «Ведь это я стал причиной их гибели. Будь проклята эта арфа, – думал я, – теперь даже не притронуся к ней».

Войдя в свой подъезд, первым делом кинулся к почтовому ящику. Он был доверху забит рекламными проспектами и прочей печатной макулатурой. Собрав счета для оплаты за квартиру, я не нашёл писем от Жени. В квартире всё напоминало мне отца и мать: их вещи в гардеробе, обувь в прихожей, цветы на подоконниках. Цветы засохли и листья осыпались на пол.

Занялся уборкой комнат. Рассматривал фотографии отца и матери. Несколько раз садился на диван и горько рыдал. Не мог привыкнуть к мысли, что их уже никогда не увижу. Арфа стояла в моей комнате укрытая чехлом. Мне так хотелось коснуться струн и уйти в мир музыки. Но играть не стал. Когда ложился спать мне казалось, что арфа сгорбившись сидит в углу и тихо плачет.

Приступы головной боли иногда давали о себе знать, но стали не такими продолжительными и острыми. С правой ногой, у которой были порваны сухожилия, проблема, видимо, останется на всё жизнь. Я сильно хромал, хотя боль утихла. Только боль от утраты родителей не проходила. Мне хотелось излить свою печаль в музыку, и я всё-таки расчехлил арфу. На вступительных экзаменах в консерваторию арфистам, как и пианистам, полагалось пользоваться инструментами учебного заведения, поэтому она осталась дома, когда я уезжал. Реквием памяти отца и матери мои пальцы выплетали независимо от моего сознания. Я никогда не записывал свои сочинения. Всё хранил в пальцевой памяти. После травмы головы у меня обострилось чувство импровизации. Сочинял музыку непосредственно в процессе игры. Знаний гармонии и контрапункта, полученных в школе, мне для этого хватало. Но чаще всего импровизировал на темы грустных народных песен.

Долго не решался навестить Женину бабушку. О том, что Женя поступила учиться я даже не сомневался. Я хотел узнать её адрес в Москве и почему от неё нет писем. Сотовые телефоны в то время были большой редкостью. У нас их с Женей не было. Бабушка встретила меня довольно прохладно. Из разговора с нею узнал, что Женя писала мне письма, но почта их отсылала обратно со штампом «Адресат выбыл». Моего отца звали тоже Дмитрий. На почте знали, что он погиб.

Бабушка рассказала, что по просьбе Жени она ходила по моему адресу чтобы узнать причину молчания. Соседи сказали, что вся семья погибла в ДТП. Она это написала Жене. Но когда я попросил её адрес, то бабушка мне адрес не дала. «Пусть спокойно учится. Нечего девчонке морочить голову», – строго сказала она, разглядывая мой устрашающий шрам на лице – от уха до самой середины лба. Написал письмо в учебную часть Академии с просьбой сообщить адрес Евгении Ковалёвой. Получил ответ, что среди учащихся таковой не значится.

Врачебная комиссия установила мне вторую группу инвалидности с ежемесячной пенсией около десяти тысяч рублей. Вступил в наследство трёхкомнатной квартирой родителей. Рассчитался с полугодовым долгом по ЖКХ и от денег, собранных депутатами городской Думы, остался мизер. Пенсия, едва пополнив мой бюджет, тут же ушла на новые расходы, в которых плата за квартиру отнимала ровно половину. Одежда и обувь стали тесными. Пришлось покупать всё заново.

Деньги быстро заканчивались. «До получения пенсии ещё две недели, а денег у меня оставалось только две тысячи с копейками, – думал я. Если тратить по сто рублей в день, то прожить можно». Встретил своих школьных друзей. От них узнал, что кто-то поступил в консерваторию, кто-то вообще музыкой перестал заниматься. Большинство ребят ушли служить в Армию. Мне со своим «белым билетом» оставалось идти только под церковь с арфой, которая весила тридцать килограммов.

3

На папёрть мне идти не пришлось, но, когда я был уже на грани этого решения, встретил в подземном переходе своего знакомого – Виктора Чернова. От Армии он тоже был освобождён. В школе он занимался вокалом, но в училище поступить не смог. Поздоровались.

– Ты, я вижу, с гитарой, – спрашиваю его, – переквалифицировался?..

– Нет... Пою я здесь. Зарабатываю на хлеб...

Рассказал много интересного. «Заработать можно, – говорил он, – но конкуренты вытесняют. – Они ходят парами, а я один... Берут силой... Иди ко мне в напарники. С твоей внушительной внешностью и с таким шрамом на лице, конкуренты за километр будут нас обходить».

– Ну, конечно. С арфой под полою приду и сяду здесь, с разбитой головой и в страшных шрамах весь, – съязвил я.

– Освой гитару. Что тебе стоит? У меня есть фламенкистская гитара с нейлоновыми струнами. Дам тебе школу игры и через неделю ты будешь в форме.

На том и порешили. Принёс гитару домой. Заглянул в школу фламенкиста Хуана Мартина, да так до полуночи оторваться от гитары не смог. С виду такой простенький инструмент, а какие возможности для импровизации!.. Через неделю у нас с Виктором была первая репетиция. Он пел популярные казацкие песни, русские и украинские. А я аккомпанировал. Одинадцать лет занятия музыкой не прошли даром. Я без труда находил гармоническое сопровождение аккордами этих песен, вплетая импровизационные вставки в мелодию.

– Дима, ты гений!.. Пако де Лусия отдыхает! – воскликнул Виктор, после репетиции.

Дебют в подземном переходе принёс нам больше тысячи рублей. Я в первые за последний месяц наелся до отвала. Нас быстро заметили в этом оживлённом переходе. Пешеходы останавливались и бросали в футляр моей гитары, кто мелочь, а кто и купюры. Закрывал лицо большими темными очками. Вначале было стыдно, а вскоре я уже не стеснялся.

Наступило лето. Мысль о том, что Женя считает меня погибшим не покидала меня. Подумал, что она должна приехать на каникулы и я увижу её. Идти снова к бабушке, после такого «холодного душа», я не решался. Решил дежурить во дворе их многоэтажного дома. «А вдруг встречу», – думал я. Несколько дней часами просиживал на детской площадке напротив подъезда. И когда надежда уже начала покидать меня, я увидел её. Но лучше бы мне этого не видеть... Она вышла из подъезда в обнимку с симпатичным мужчиной, весело разговаривая о чём-то с ним. Сели в припаркованную машину и уехали... Я стоял у детских качелей в глубоком раздумье о своей жизни и ничего светлого в ней больше не видел. Осталась музыка, но какой я музыкант без образования?..

Осень и зиму мы с Виктором продолжали выступать в подземных переходах. С конкурентами старались не сориться. Если место было занято, уходили играть на рынок. На вырученные деньги приобрели усилитель, работающий от аккумулятора. Теперь нас было слышно даже в страшном гомоне базара. Руки у меня огрубели от игры на улице, но не очень, благо

наша южная зима в этот год не позволяла столбику термометра часто опускаться ниже нуля. Когда было очень холодно, мы устраивали себе выходные. И тогда я играл на арфе.

Опять пришла весна. Свой двадцатый год рождения в конце мая я встречал дома. Был тёплый день. Я играл на арфе у раскрытых настежь окон балкона. Вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стоял пожилой мужчина. Поздоровался и спросил:

– Кто это у вас так превосходно играет на арфе? – Я живу в соседнем доме и часто слышу эту игру.

– Играю я...

Когда мы познакомились, он сказал:

– Я тоже музыкант, играю на гитаре и даю частные уроки. Очень люблю арфу... Пожалуйста, поиграй.

Я начал играть, а он молча слушал. После того, как я исполнил несколько классических пьес, он вдруг сказал:

– Знаешь, Дима, арфа превосходный и сложный инструмент, но не такой транспортабельный, как гитара. Гитара в этом отношении выигрывает...

– Немного играю и на гитаре, – решил похвастаться я, – правда, на фламенкистской.

Когда я сыграл несколько испанских танцев из школы Хуана Мартина, он задумчиво заговорил: «Из тебя, Дима, мог бы получиться превосходный классический гитарист, если бы ты освоил сразу правильные основы игры. А сейчас у тебя рефлексивно укрепились неверные способы звукоизвлечения. Ты будешь испытывать большие трудности при игре более сложных пьес».

Видя, что его слова меня несколько огорчили, он сказал:

– Ты замечательный арфист, но если захочешь параллельно освоить ещё и классическую гитару, то приходи ко мне в гости...

Дал мне свой адрес и, поблагодарив меня за игру, ушёл. А я размышлял над его словами: «Игра в переходах совершенно бесперспективное дело, да и Виктора пригласили в филармонию петь в хоре. Никакой другой специальности у меня нет. Учиться в консерватории без материальной поддержки мне не под силу. Одна только струна в магазинах стоит от трёхсот до полутора тысяч. В нашем музыкальном училище класса арфы нет. Зато есть целых три педагога классической гитары». Решил воспользоваться приглашением в гости.

С трепетом в сердце я пришёл к нему вечером того же дня. Усадив меня на стул, он взял гитару, лежавшую на диване, сел на приготовленный стул, подставил маленькую скамеечку под левую ногу и заиграл. Некоторые пьесы Исаака Альбениса я знал и даже играл, но как они звучали на гитаре Андрея Осиповича, стало для меня откровением. «Чакона» Баха сразила меня напрочь. Я сидел потрясённый: казалось бы, инструмент, по величине диапазона вдвое уступающий арфе звучал, как оркестр.

Окончив игру, Андрей Осипович, попросил меня рассказать о себе. Я всё рассказал. О желании поступить в наше музучилище тоже рассказал.

– Сколько времени осталось до вступительных экзаменов? – спросил он.

Узнав, что остаётся почти два месяца, он предложил приходить к нему на занятия совершенно бесплатно.

– Я постараюсь тебя подготовить. Ведь знания сольфеджио и всех остальных дисциплин у тебя имеются. Будем заниматься только гитарой.

Классической гитары своей у меня не было. Денег на покупку тоже. Но Андрей Осипович дал мне напрокат одну из своих гитар.

– Дима, можешь играть на ней пока не приобретёшь себе хороший инструмент.

Как оказалось, гитара была изготовлена известным московским мастером и входила в элитный список гитар России. Корпус её был изготовлен из бразильского палисандра, а верхняя дека отливалась золотом канадского кедра. Не буду описывать первые уроки. Занимались мы

каждый день. Скажу, что постановку левой и правой рук я скопировал у учителя. Было очень трудно избавиться от неверных навыков. Но Дмитрий Осипович настойчиво поправлял меня. За два года игры на гитаре самоучкой, руки мои привыкли к любым нагрузкам, а играл я с утра до позднего вечера. К арфе прикасался очень редко.

Через месяц я уже играл «с листа» все двенадцать этюдов бразильского композитора Эйтора Вилла-Лобоса, а популярную у гитаристов пьесу испанского композитора Франсиско Тарреги «Воспоминание об Альгамбре» играл не хуже учителя. Он поражался моим успехам и моей памятью. «Это невероятно», – говорил он... Я сам удивлялся, что после травмы головы у меня появилась такое качество: запоминать самые сложные произведения.

Экзамены в училище я сдал с блеском, и меня приняли сразу на второй курс. Учитель присутствовал на экзамене и очень переживал за меня. Поздравил с поступлением. Мы с ним очень подружились. В училище преподаватели все имели консерваторское образование и довольно прилично играли, но мой учитель, не смотря на возраст, играл превосходно. Он в музыкальном училище был в своё время лучшим учеником нашего известного гитариста Александра Иванова-Крамского. Выступал с концертами в России и за рубежом.

Я продолжал учиться у него. Он был, как и я, одинок. Однажды он мне сказал, что я для него, как родной сын. Своих жену и сына он потерял при крушении круизного парохода «Адмирал Нахимов». Моими успехами он очень гордился. Гитару свою он мне подарил на мой двадцать первый день рождения и всегда присутствовал на моих публичных концертах, которые я стал давать на последнем курсе.

Случилось так, что зимой произошло несчастье. Учитель упал на улице и сломал шейку бедра. В больнице его прооперировали, наложили шину и отправили домой. Я перешёл жить к учителю, а в свою квартиру пустил временно квартирантов – нужны были деньги. Взял уход за больным на себя. Получил в больнице инструкцию по уходу. Неукоснительно выполнял все рекомендации. Но мне сказали, что без протезирования сустава тут не обойтись. Как я узнал – операция будет стоить около трёхсот тысяч рублей.

У Андрея Осиповича таких денег не было. Все свои сбережения он потратил на памятник погибшим сыну и жене. Жил на деньги, получаемые от учеников, присылаемых ему Всероссийским сообществом частных преподавателей музыки и на небольшую пенсию. Недолго думая, я решил продать арфу, на которой уже забыл, когда играл в последний раз. Дал объявление в интернете и продал её. Денег хватило, даже немного осталось. После операции учитель начал ходить, правда, с палочкой, но зато без посторонней помощи.

После окончания училища педагоги посоветовали мне поступить в известную музыкальную Академию в Москве. Я поступил на заочное обучение. И тут дирекция училища предложила мне место педагога. Моё согласие Андрей Осипович одобрил. «Учи и сам учись», – сказал он, напомнив мне слова Пушкина: «... наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

Но самое главное событие в моей жизни произошло, когда в нашем музыкальном училище задумали открыть класс арфы и пригласили для этого выпускницу московской консерватории. Ею оказалась та самая Женя Ковалёва. Встреча была для нас неожиданной. Я шёл по коридору первого этажа нашего училища на урок и вдруг услышал звуки арфы в одном из классов. Остро кольнуло сердце. Так играть Токкату и фугу ре минор Баха могла только она... Осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Играла Женя. Я тихо вошёл и стал у двери. Она продолжала игру не замечая меня. А я смотрел на её руки и вспоминал, как эти руки ласкали меня когда-то. Решил незаметно выйти, но тут она взглянула на меня. Музыка смолкла...

– Дима!! Это ты?! Господи!.. Ведь мне сказали, что ты погиб!..

Она подошла ко мне. Я так хотел её обнять, но понимая, что это уже не моя Женя – удержался.

– «Слухи о моей смерти сильно преувеличены», – сказал я словами какого-то писателя. – Могла бы и проверить...

– Я привыкла верить бабушке. Она мне сообщила о твоей смерти. – А ты почему не отвечал на все мои письма? Они возвращались ко мне нераспечатанными...

– Твои письма приходили, когда я был в больнице. Ты слала письма Дмитрию Корнилову – моему отцу, который, действительно, погиб. Когда я после больницы пришёл к бабушке, она мне твой адрес не дала и сказала, чтобы я тебе не морочил голову и не отвлекал от учёбы. Выходит, что она тебя обманула...

Я не стал рассказывать, что видел её с мужчиной, но многое выяснилось из нашего дальнейшего разговора. Оказалось, что она не стала поступать в Академию, а по рекомендации родителей поступила в московскую консерваторию.

– Ты женат? – спросила она.

– Не удосужился...

– А я была замужем...

– Почему – была?..

– Потому, что была, но развелась. Теперь дочери полтора года... Ты что здесь делаешь?..

– Преподаю гитару... На арфе давно не играю. Её у меня уже нет. Стал лауреатом Международного конкурса гитаристов в Испании, а ты как?

– Буду преподавать арфу здесь. Звёзд с неба пока не хватаю... Ты извини, у меня сейчас начнётся урок...

Меня тоже ученики уже ожидали в классе. Договорились с ней по окончании работы встретиться и поговорить ещё.

Решил провести её до самого дома. Она никак не могла подстроиться под мою хромоту, то и дело замедляя шаги. Я это чувствовал и старался идти с нею в ногу, но ничего не получалось. Наконец, остановился и сказал: «Давай возьму тебя под руку». Взял, и так стало приятно от близости её, когда-то такого родного тела.

– Скажи, почему ты развелась с мужем? – спросил я.

– Когда бабушка сообщила о твоей гибели, у меня случился нервный срыв. Меня положили в больницу. Когда выписали, оказалось, что я сильно отстала от выполнения учебной программы. Педагог взялся мне помогать. Он был старше меня на пятнадцать лет. Разведённый. Утешал меня. Говорил, что полюбил. Когда я забеременела – расписались. Жили на съёмной квартире. Родилась дочь. Она ему мешала писать диссертацию, и он вернулся к своей жене и детям... Мне пришлось бабушке оставить дочь, а самой взяться за учёбу. Сам понимаешь, обижаться на бабушку у меня нет оснований. Она сильно переживает, что с тобой так поступила. Ты прости её и прости меня, если сможешь...

Вошли в её подъезд. Поднимаясь по лестнице, задал себе вопрос: «В чём она виновата передо мной?.. И не нашёл убедительного ответа. Так всё сложилось... Вспомнил известное выражение: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе». В нашем случае – на арфе. У двери её квартиры я привлек её к себе. Как сладок был этот поцелуй после долгой разлуки...

4

Дверь открыла бабушка. На моё «Здравствуйте, Анна Ивановна», – прозвучало в ответ что-то невнятное.

– А у нас гость, – сказала она, обращаясь к Жене. – Приехал Вадим из Москвы... Дима, твоё присутствие сейчас нежелательно. Женя тебе позвонит, если захочет. А сейчас, до свидания...

– Бабушка, – вдруг вспыхнула Женя, – передайте Вадиму, что я видеть его не хочу. Посмотрел дочь и теперь может уезжать к своей жене и детям. А я ухожу с Димой к нему. Санечку мы заберём вечером...

Женя решительно взяла меня под руку, и мы стали спускаться вниз.

– Женя, подожди, – раздался сверху голос Вадима, – разреши несколько минут поговорить с тобой... Молодой человек, я вас долго не задержу...

– Вадим, всё уже давно сказано, у тебя растут двое детей, у меня – дочь, – прервала его Женья. – Мы с тобой развелись и теперь чужие. Что ты хочешь?..

– Женья, я сделал большую глупость, что потерял тебя. С женой я развелся, она выходит сейчас замуж. Прости меня, и прими. Ведь мы любили друг друга... Неужели я хуже этого калеки, который рядом с тобой сейчас?..

Что ему ответила Женья, я не слышал. Перепрыгивая через несколько ступенек, я сильно потянул больную ногу и остановился на улице переждать боль. Слезы застилали мои глаза, но холодный осенний дождик смывал их с глаз, и они попадали на губы уже не солёными.

Дверь подъезда распахнулась, и я увидел Женю.

– Миленький мой Димочка, ни на кого я тебя не променяю, – страстно шептала она, покрывая моё лицо поцелуями. – Ты мой единственный, мой родной, ты выжил чтобы быть со мной...

Я успокоился, взял её под руку, и мы пошли к Андрею Осиповичу. Я свою квартиру сдавал внаём многолетней семье, вложившей материнский капитал в доленое строительство дома, который неизвестно, когда построят.

Андрей Осипович, принял нас очень радушно. Усадил ужинать. Наша история его очень взволновала. Узнав, что Женины родители музыканты и сейчас играют в симфоническом оркестре в Германии, очень обрадовался и сказал:

– Я недавно получил приглашение преподавать гитару в Академии имени Ференца Листа в Веймаре. Возможно, с родителями встретимся. На днях уезжаю. А вы будете жить в моей квартире.

– Женья, Андрей Осипович прекрасно владеет не только немецким языком, – добавил я, – но и гитарой. Он профессор.

Следующий день в училище бы выходным. Я не хотел идти в гости к бабушке. Хотя, после бурной ночи, проведённой с Женей, мне хотелось утвердиться в их семье, как мужем её внучки. И я решился.

На удивление, Анна Ивановна была тиха, как агнец. Вадим уехал. Санечка забралась маме на колени, а я, вытянув больную ногу во всю длину, сидел на знакомом мне диване.

– Ну, что, молодёжь, – начала Анна Ивановна, – какие планы на будущее?

– Планы самые радужные, – решил я взять главенство в женском коллективе, – в понедельник подаём заявление ЗАГС. Жильё у нас есть, работа тоже есть.

– А с Санечкой опять бабушка будет сидеть? – Я и без того полтора года, как привязанная... А мне всего шестьдесят пять лет... Сосед – Иван Петрович, сделал мне предложение. Баста, ребятки, выхожу замуж...

Бабулечка, – обрадовалась Женья, – мы только за! Санечку отдадим в садик. Мне от училища предлагали место.

Я слушал всё это и такое тепло разливалось по телу. Вспомнил игру подземном переходе, насквозь продуваемом ветром. Борьбу с конкурентами и счёт мелочи в футляре. Боль от утраты родителей нахлынула внезапно, и я заплакал.

– Димочка, миленький, ты чего? – обнимая меня, спросила Женья.

– Прости, сейчас всё пройдёт... Сыграй, пожалуйста, Токкату и фугу ре минор Баха...

Я сам десятки раз играл это бессмертное произведение на арфе и на гитаре, но так, как играла Женья, мне никогда не удавалось сыграть. Её правая рука творила чудеса в ломанных арпеджио высокого регистра, а левая врвалась аккордами потрясающей силы в эту россыпь нежных, как дуновение лёгкого ветерка звуков. Когда начиналась собственно фуга пальцы её обеих рук совершали от едва заметных движений до размашистых, колоссальной силы щипков. Волнами накатывались настойчивые упругие звуки, начинающиеся правой рукой в высоком регистре и завершающиеся мощными аккордами в низком регистре левой. Казалось, умиротворение вот— вот наступит, но вновь откуда-то издали появлялись волны тревожных ломан-

ных арпеджио... Наконец, в эту абсолютную неопределённость врывается светлый лучик. Солнечными бликами зазвучали мощные финальные аккорды...

А я смотрел на руки Жени и мне казалось, что эти два белых лебедя вернули меня к жизни и никому я их не отдам.

Музыкальная история

Тимофею Никишаеву – окончившему специалитет Ленинградской консерватории в наследство досталась скрипка Карло Бергонци, одного из лучших учеников и последователей знаменитого Антонио Страдивари. На скрипках этого мастера играли знаменитые скрипачи, в том числе – Никколо Паганини. Инструменты работы Бергонци отличаются исключительной ясностью, чистотой и углубленностью звука. Его скрипка была завезена в Россию во время нашествия французов. В армии Наполеона было много музыкантов, которые сопровождали её в походах. После разгрома армии в 1812 году много французов и итальянцев из итальянского легиона осталось в России. Они служили при дворах русских дворян гувернёрами, учителями музыки. Некоторые из них женились на дочерях дворян. Далёкий предок Тимофея был итальянским скрипачом, женившимся на дочери русского дворянина. Он-то и был тогда владельцем скрипки Карло Бергонци.

Природа дала Тимофею много положительных качеств: острый музыкальный слух, блестящую музыкальную память, быстрые, длинные пальцы, но в придачу дала наследственные проявления эмоциональной нестабильности нервной системы. Его предки были блестящими скрипачами, но никогда не выступали публично с сольной игрой, как артисты – публика действовала на них, как удав на кролика, парализуя и мысли, и пальцы. Но когда дело касалось конкурсов, экзаменов, то здесь они были на высоте. Тимофей, к сожалению, не оказался исключением.

Родился Тимофей в 1971 году в Ленинграде в семье потомственных музыкантов. Его дед играл на скрипке в большом симфоническом оркестре девятого августа 1942 года в блокадном Ленинграде, когда была исполнена седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. Бабушка в этом же оркестре играла на флейте. Своих детей – семилетнего сына, будущего отца Тимофея и пятилетнюю дочь, его сестру, успели эвакуировать в самом начале блокады в Ташкент. Когда немцы разбомбили Бадаевские склады продовольствия, в городе начался голод. Деду Тимофея за скрипку Бергонци предприимчивые дельцы предлагали пуд гороховой крупы, но он отказался и умер от голода зимой 1943 года.

Бабушка чудом выжила. После прорыва блокады внуки вернулись к ней и стали учиться музыке. Сестра отца после окончания консерватории вышла замуж и уехала в Ригу. Отец Тимофея, получив высшее музыкальное образование, остался в Ленинграде с бабушкой. Поздно женился на пианистке. Первенец у них родился, когда ему было 36 лет. Назвали Тимофеем. Вместе с женой играл в Ленинградском симфоническом оркестре до самой своей смерти от инфаркта в 1998 году. Случилось это неожиданно. Страна переживала очень трудное время. Было трудно отличить бандитов от милиции. Правление Ельцина породило олигархов и нищих. Почему-то последних было гораздо больше. Мафиозные структуры властвовали в Санкт-Петербурге. Каким-то образом мафия узнала, что у небогатого скрипача имеется уникальная скрипка итальянского мастера. Предложили за неё сто тысяч долларов. Когда тот отказался, решили отобрать скрипку силой.

Отец Тимофея очень редко брал на репетиции оркестра свою итальянскую скрипку. Для этой цели у него была прекрасная скрипка работы русского мастера Ивана Андреевича Батова, доставшаяся ему от своего деда. Обе скрипки были зарегистрированы в едином Государственном Реестре культурного наследия России. Возвратившись после очередной репетиции домой, родители Тимофея нашли в квартире убитую девятистолетнюю мать отца. Скрипка Карло Бергонци была похищена. Тимофей и его сестра в это время находились в консерватории и в квартире отсутствовали. Видимо, преступники долго следили за квартирой и улучили удобный момент. У отца случился сердечный приступ, и он умер в больнице в возрасте шестидесяти трёх лет. Хоронили вместе с его матерью. Приезжала сестра отца из Риги на похороны.

Надо отдать должное всё же питерским сыщикам и таможенникам. Они сумели предотвратить вывоз скрипки за границу. Преступники, переклеив этикетки на скрипке, оформили липовые документы о том, что скрипка не представляет ценности, пытались вывезти её за рубеж. Но были задержаны в аэропорту, и скрипка возвращена была в семью. Частное охранное предприятие предложило поставить квартиру под охрану. Что было и сделано. Помимо этого, на окна были поставлены решётки, а на металлическую входную дверь был установлен секретный замок. Всё соответствовало духу того времени, когда народ стал прятаться от воров в металл.

У Тимофея появилась проблема с работой. Его отец и мать были известными в среде музыкантов города, но в музыке связи и знакомства второстепенны – если играть не умеешь, то никакие влиятельные протекции не помогут. Тимофей играть умел. С четырёх лет мать обучала его игре на фортепиано, а с семи лет он начал учиться в музыкальной школе игре на скрипке. Окончил музучилище, а затем консерваторию.

Его кумиром был Никколо Паганини. Он ему подражал во всём. Его сочинения любил и переиграл многое из репертуара великого скрипача, в том числе, все его двадцать четыре каприса. Об этих каприсах сам маэстро писал в своих мемуарах: «...я сочинил трудную для исполнения музыку и непрестанно занимался, изобретая для себя сложные упражнения, чтобы свободно владеть техникой...». Поэтому Тимофей не робел перед самыми сложными пьесами.

Что интересно, внешнею Тимофей был очень похож на Паганини. Высок ростом, на худощавом лице выделялся довольно крупный нос, который, нависая над верхней губой, казалось, стремился упереться в волево, выдающийся вперёд подбородок. Тёмные волосы ниспадали до плеч. Пронзительный взгляд тёмно – карих глаз позволял думать, что это иностранец, но абсолютно русская его фамилия начисто опровергала эту мысль. Над его внешностью хорошо поработали гены далёкого предка – итальянца. Они же дали ему общительный, мягкий, но очень взрывной характер. В довершение ко всему, дали ещё и чрезмерную влюбчивость. Но девушек его внешность, скорее, пугала, нежели привлекала, поэтому, на любовном фронте особых успехов он не имел.

Как раз в это время Академический симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии объявил конкурс на замещение вакантных мест. Конкурс проводился в трёх турах: первый тур – сольная игра (обязательная игра с концертмейстером), второй тур – читка с листа оркестрового материала, третий тур – проба игры в оркестре (участие в репетициях в составе оркестра).

На первый тур Тимофей пришёл со скрипкой Бергонци и с охранником. Члены жюри с нескрываемым любопытством рассматривали инструмент и приготовились слушать игру Тимофея в заявленной им пьесе Паганини «Кампанелла». Сказать, что он абсолютно не волновался, было бы неверно, но дух соперничества, привитый ему в консерватории, вливал в его пальцы жажду первенства. А когда старушка – концертмейстер уселась за рояль и приветливо ему улыбнулась, он забыл про волнение. Его игра произвела на членов жюри сильное впечатление. Председатель жюри заметил, что с такой скрипкой надо быть солистом и играть концерты с симфоническим оркестром. «Думаю, что у вас молодой человек, всё ещё впереди».

Последующие два тура конкурса для Тимофея не составили труда, и он был принят в группу вторых скрипок оркестра. Конечно, он рассчитывал на первый пульт, но места там были заняты, второй его тоже устраивал, тем более, что он по совету матери поступил в аспирантуру при консерватории.

В один из осенних дней он шёл по Невскому проспекту в Малый зал филармонии. Хмурое октябрьское небо было затянуто серыми облаками и сыпало мелким холодным дождеком на асфальт тротуара. прерывая его невесёлые мысли необходимостью раскрывать зонт. Скрипку Батова надёжно укрывали от влаги водонепроницаемый чехол и футляр, не вызывая у Тимофея опасения. Скрипку Карло Бергонци он брал очень редко, только на ответственные

концерты и только в хорошую погоду, а сегодня погода была мерзкая, и мысли лезли в голову тоже невесёлые. Он думал о своей дальнейшей жизни: «Сестра вышла замуж и уехала с мужем в США на его родину. Оба они музыканты, имеют хорошую работу. Радуются жизни и зовут к себе. Но оставить не очень здоровую мать в одиночестве он не может, а уезжать она категорически не хочет.

Мать продолжает преподавать в консерватории, но смерть отца сильно сказалась на её здоровье. Ей стало трудно содержать трёхкомнатную квартиру в чистоте и заниматься готовкой пищи. Приходится часто брать эту обязанность на себя. Иногда мать заводит тяжёлый для него разговор о том, что ему скоро тридцать и нужно бы подумать о женитьбе, что ей давно пора нанять внуков, да и помощница не помешала бы. Правда, когда начал учиться в аспирантуре, мать стала реже говорить о женитьбе. А на ком жениться? Перезнакомился в оркестре со всеми подходящими кандидатками в жёны. Большинство из них фанатки музыки, связывать себя узами брака ни одна пока не хочет. Соседка по пульту, как и он – вторая скрипка оркестра. Очень сексапильная и молодая. Сердце Тимофея всколыхнулось, но случайно услышал, как за кулисами она, разговаривая с подругами, назвала его имя и пренебрежительно сказала: «Мне он совсем не нравится, страшный какой-то». Видимо, догадалась, что я это услышал. Теперь у меня с нею только деловые отношения, хотя, довольно дружеские.

С финансами у нас с матерью не то чтобы плохо, а очень плохо, – продолжал думать он. – Еле-еле сводим концы с концами. Может быть продать итальянку?.. Очень дорого обходится охрана... Ну, да! Дед умер от голода в блокаду, но сохранил семейную реликвию, отец умер из-за неё, а я дам слабинку?».

Наконец, подошёл к главному входу в филармонию. По расписанию у него сегодня оркестровая репетиция с ассистенткой дирижёра, японкой Томоми Нисимото. В программе: «Павана», «Античный менуэт» и «Болеро» Мориса Равеля.

Когда за дирижёрским пультом увидел японку, то стал внимательно к ней приглядываться. В «Античном менуэте» и «Паване» было смотреть некогда – он с листа читал довольно сложную свою партию, но зато в «Болеро» было много времени, чтобы хорошо рассмотреть девушку. Тем более, что концертмейстер вторых скрипок с которым Тимофей очень сдружился в оркестре, в перерыве между пьесами шутливо сказал ему: «Тимоха, не зевай, она незамужняя, я это точно знаю!..»

Пока деревянные духовые по очереди вели тягучую, однообразную мелодию под дробь малого барабана, а затем передавали её медным духовым – у него была пауза. Он не сводил глаз с «леди – дирижёра», которая казалась ему прекрасной. Тёмно – каштановые волосы ровного пробора ниспадали на миловидное лицо, едва не закрывая большие, не совсем японские глаза, которые внимательно смотрели в оркестр. Одета она была в темный фракный костюм со стоячим воротничком, под которым просматривался верх нежной женской шеи. Рукава белоснежной рубашки, выглядывали из-под рукавов костюма и обнажали длинные кисти рук. Брюки скрывали ноги, но рельефно облегли ту часть тела, что находилась выше них. Она не пользовалась дирижёрской палочкой, но руки её прекрасно обходились без этого дирижёрского атрибута. Вместе с тем, эту игранную— переигранную музыку она трактовала не так, как другие дирижёры. Её руки полностью подчинили оркестр, и он зазвучал свежо и оригинально.

Тимофей засмотрелся на её руки и прозевал первый такт своего вступления. Пришёл в себя после того, как партнёрша по пульту толкнула его ногой: «Проснись», – прошептала она. Это не ускользнуло от взгляда дирижёра. Она нахмурилась, кивнула ему головой и продолжила дирижировать. Расстроился, приготовился получить выговор. Так оно и вышло.

После репетиции она его подозвала к себе и через переводчика спросила:

– Почему вторая скрипка не вступила в игру своевременно?

– Томоми – сан, я впервые увидел такую красивую женщину – дирижёра. Простите, залюбовался вашими руками...

Это совершенно обезоружило Томоми. Она, поморщив свой носик, сказала: «Пожалуйста, больше так не делайте». Сказала она это с такой очаровательной улыбкой, что Тимофею захотелось поцеловать её руку, но она уже быстро пошла к выходу. «Очень красивая японка, – подумал он, провожая её долгим взглядом.

Через несколько дней узнал кое-что о ней. Окончила Осакскую консерваторию по классу композиции, работала в Осакской опере ассистентом дирижера, а затем приехала в Санкт-Петербургскую консерваторию учиться в аспирантуре у Ильи Мусина. Но прославленный дирижёр умер этим летом, и её обучение теперь продолжится с одним из его учеников – Виктором Федотовым.

Её концерт прошёл блестяще, начались репетиции с другими дирижёрами и другими партиями. Тимофея затаила учёба и работа, но мечта увидеться с Томоми не покидала его. Дня не проходило, чтобы о ней он не думал. Заочная форма обучения в аспирантуре позволяла Тимофею посещать консерваторию в свободное время от работы в оркестре. Однажды он встретился с Томоми. Она училась на дневном отделении. Хотел подойти и поговорить. Почти вплотную подошёл к ней и уже готов был остановить её, но она прошла лёгкой походкой мимо. Лишь слегка кивнула ему, как старому знакомому.

Очень огорчился. Стало понятно, что он её ничем не заинтересовал и ей абсолютно безразличен. «Ну, что я значу в музыкальном мире чтобы меня замечали? – думал с горечью он. Вокруг столько блестящих скрипачей, артистов, а тут какая-то вторая скрипка оркестра захотела обратить на себя внимание мировой знаменитости. – Надеюсь, что привлеку её расположение своей игрой?.. Когда, интересно, это может случиться?.. Публично с сольной игрой не выступаю, одержим совершенством точного звучания, безумно боюсь ошибиться, озабочен тем, чтобы извлекать каждую ноту правильной. Типичная игра второй скрипки оркестра! Такая игра затягивает меня всё сильнее. Мне мой куратор в аспирантуре сказал, что от этого моя игра становится какой-то слишком осторожной и немзыкальной. Ещё он говорил, что иметь скрипку такого мастера и сидеть в оркестре – преступление перед предками, а иметь такой сложный и обширный репертуар и играть его только дома для себя – преступление вдвойне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.